



Кирилл Лавров думает, что больше не нужен БДТ

театр

— Сухо и сыро! — знаменитая фраза Николая Акимова более чем исчерпывающе аттестует последний спектакль Григория Дитятковского. Премьера шекспировской «Двенадцатой ночи», четырежды переносившаяся и наконец состоявшаяся, обозначила градус, при котором по

любой системе измерений (от канувшей, товстоноговской, до действующей, лавровской) горят былые ценности Большого драматического.

Даже в самые трудные годы режиссерского безвременья на этой сцене вопреки всему внезапно возникали моменты театрального волшебства; их больше нет. Нет внятной режиссуры, нет талантливых ролей, нет

«Успех «Двенадцатой ночи», которого одни ожидали, а другие опасались, почти на сто процентов означал бы, что БДТ получит нового главного режиссера. Провал «Двенадцатой ночи» оставляет трупку лицом к лицу с драмой возраста и инерцией безнадежности».

БДТ БОЛЬШЕ НЕТ

моск. новости. 2003-8 дек. с. 26

ритма и композиции. Самый очевидный стилиобразующий признак — скука. Она заливает зал, поднимаясь до галерки, отменяя игру ради игры, театральный праздник, который предполагает шекспировская комедия. Скука подчинено всё: и герцог Орсино (блистательный Сергей Дрейден здесь почти аутист, без голоса, обаяния, страсти), и юная Оливия (дебютантка Полина Толстун прелестна, но зачем же так руками махать?), и трио — сэр Тоби, Эгьючик, Мальволио, — которое артисты Вячеслав Захаров, Александр Чевычелов и Анатолий Петров под руководством режиссера умудрились обратить в самый занудный из всех комических треугольников. Зал оживает лишь с появлением Алисы Фрейндлих (шут Фесте). Но и великая Алиса — погрустневший Карлсон, — героически прихрамывая (не по роли, а по болезни), не столько играет, сколько являет себя. Скуку «Двенадцатой ночи» не соберать швабрами, как пузырчатое полотноное море, сгребаемое на сцене в угол женщинами в форме из синего бархата (сценограф Марина Азиян). Они то ли музыкантши оркестра, исполняющего Перселла для Орсино, то ли участницы хора старых большевиков, то ли парки... Навязчивый режиссерский ход (действие якобы происходит в Петербурге) не избавляет от ощущения вымученной претенциозности.

В репертуаре БДТ были и есть спектакли средние и серые, были и есть холодные и безжизненные. Но провала такой «яркости» Большой драматический, пожалуй, еще не

Есть здание в Петербурге на Фонтанке с надписью «Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова», есть артисты, которые с ним работали.

Но легенда — кончилась. И окончательно сокрушил ее, как ни парадоксально, тот, кого прочили на пустующее уже пятнадцать лет место Главного

знал. Каждый художник имеет право на неудачу, однако именно эта неудача для театра поистине судьбоносна.

Успех «Двенадцатой ночи», которого одни ожидали, а другие опасались, почти на сто процентов означал бы, что БДТ получит наконец главного режиссера. Провал «Двенадцатой ночи» ставит трупку лицом к лицу с драмой возраста и инерцией безнадежности. Особенно остро, полагаю, это ощущает художественный руководитель театра Кирилл Лавров.

Лавров (в отличие от Павла Луспекаева и Евгения Лебедева) никогда не хотел играть Лира на сцене, но волей судеб который год играет эту роль в жизни. Он всё пытается и пытается отдать свое «корольство» каждой новой возникающей на горизонте хоть сколько-нибудь убедительной «дочке», но страх ошибки и невезение преследуют его и трупку.

За двумя этими фигурами — Лаврова и Дитятковского — оппозиция уходящего и нынешнего. Для старшего БДТ — символ веры и тяжкая ноша. Для младшего — бренд, позволяющий капитализировать режиссерскую репутацию. Для Лаврова Большой драматический — имя, ставшее участью. Для Дитятковского — амбициозный вызов. Не знаю, что произошло с ним, на том коротком отрезке пути, что он прошел с товстоноговским театром, но ощущение такое, что сцена мстит за неточные выстроенные отношения с реальностью. И теперешняя неудача — уже не первая.

Ход вещей беспощаден.

В БДТ, насаженном при Товстоногове как прочнейший театральный организм, случаются вещи, прежде не представимые: цеха отказываются работать, артисты — играть. Как сорняки огородом, театром овладевают распри и неустойчивость.

Лавров думает, что больше не нужен БДТ. Иногда кажется: его, словно великого классика русской литературы, томит желание бежать, скрыться от повседневной суеты, нерешенных вопросов жизни. Остаться наедине с печальной свободой, полученной в обмен на иллюзию бессмертия. Некогда избранный единогласно, служивший честно, он, звезда, корифей, любимец страны, сегодня подошел к рубежу, когда сам возраст ставят ему в вину, и вместо благодарности вокруг все слышной ропот негодования.

В минувшем сентябре театр отмечал 90-летие со дня рождения Георгия Александровича Товстоногова. Заметно поредевшей толпой собрались в Лавре, у могилы. Молчали. Лавров пришел последним, был болен. Но, поняв, что говорить все равно ему, вышел вперед.

Стоял ослепительный день, на памятник Товстоногову сыпались листья, и голос пичуги, устроившей гнездо в оставленной скульптором пустоте на месте сердца, было слышней, чем знаменитый голос Лаврова...

Марина ТОКАРЕВА